

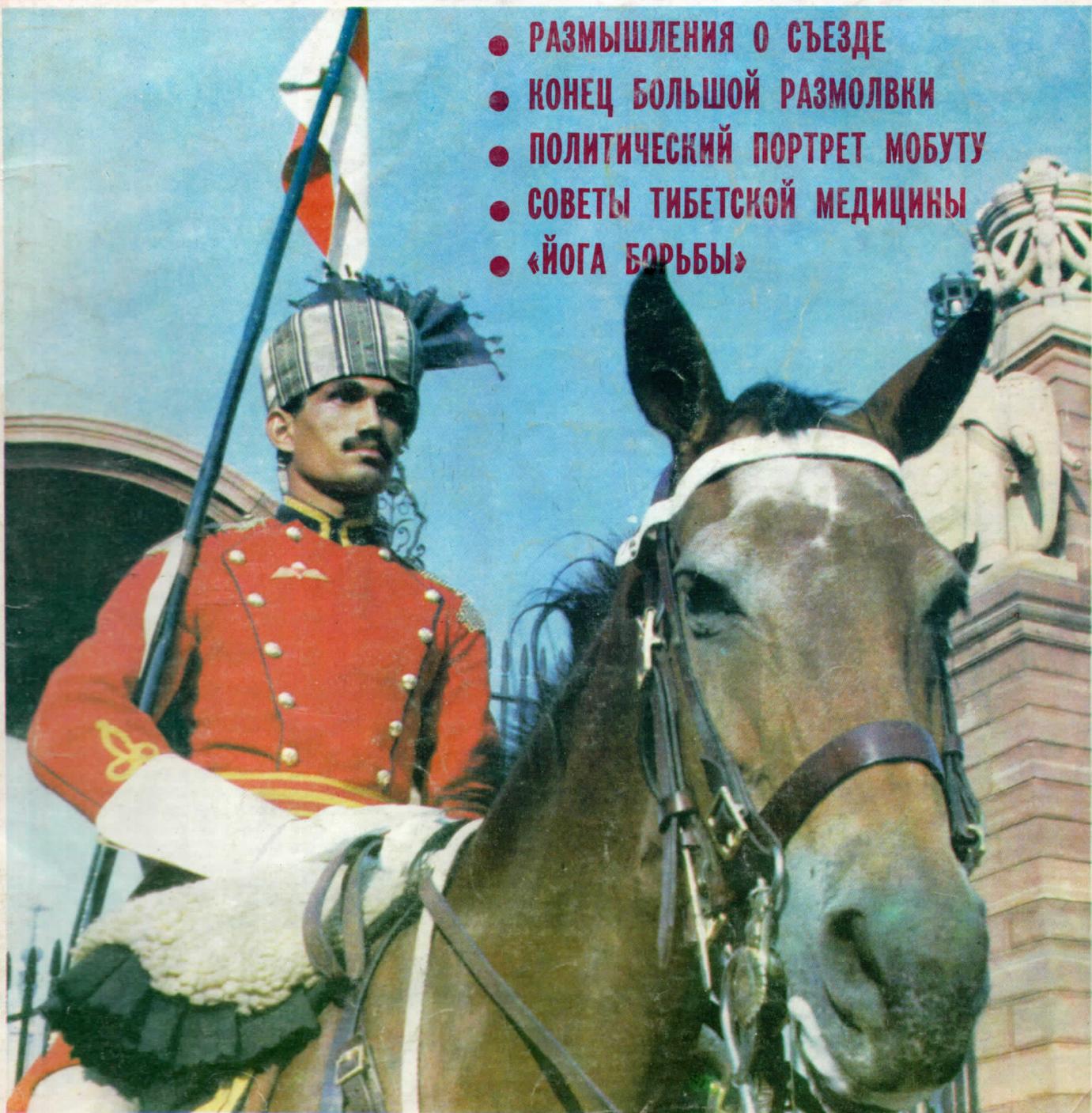
АЗИЯ

8/89

И АФРИКА

сегодня

- РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЪЕЗДЕ
- КОНЕЦ БОЛЬШОЙ РАЗМОЛВКИ
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МОБУТУ
- СОВЕТЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ
- «ЙОГА БОРЬБЫ»

Ежемесячный научный
и общественно-политический
журнал Советского комитета
солидарности стран
Азии и Африки,
Института востоковедения
и Института Африки
Академии наук СССР.
Выходит с июля 1957 года.
Издается на русском,
английском, арабском,
дари, португальском
и французском языках

АЗИЯ 8/89
АФРИКА
СЕГОДНЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия:
О. К. ДРЕЙЕР
Д. П. КАСАТКИН
(ответственный секретарь)
А. В. КИВА
И. И. КОВАЛЕНКО
Н. Д. КОСУХИН
В. Ф. ЛИ
В. В. МОЛЛЕВ
(зам. главного редактора)
В. П. ПОЛЯКОВ
Г. В. СМИРНОВ
В. Г. ТОЛСТИКОВ
В. К. ТУРАДЖЕВ
(зам. главного редактора)
А. Ю. УРНОВ
Г. К. ШИРОКОВ

Над номером работали:
О. Б. Бай, Е. А. Исакова,
Ф. С. Кирзон, Е. А. Латышева,
Л. К. Миронов, Е. Н. Мова,
М. В. Новикова, А. С. Трясунов,
И. С. Царькова, Г. И. Ширяева

Оформление
Л. Э. Немировского
Технический редактор
О. А. Быстрова

Сдано в набор 06.06.89.
Подписано в печать 13.07.89.
А03426.
Формат 84×108 1/16. Бум. тип. № 1
Гарнитура лит. Печать высокая.
6,72 усл. печ. л.* 7,56 усл. кр.-отт.
11,11 уч.-изд. л. 4 печ. л.
Тир. 31 000. 5849.

Цена 50 коп.
© «Азия и Африка сегодня»
№ 8 (386) 1989
Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»
103031, Москва К-31
ул. Рождественка, д. 12
тел. 925-29-42; 925-75-56
Набрано в ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 142300,
г. Чехов, Московской обл.
Отпечатано в Московской
типографии № 13 ПО «Периодика»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 107005,
г. Москва, Денисовский пер., 30.
Заказ 161.

	В. Тураджев. Уроки демократии	2
	Е. Бажанов. СССР — КНР. Конец большой размолвки	6
	Д. Мосяков. Кампучия. Новым курсом	12
Проблемы и суждения	А. Кара-Мурза. Три проблемы общественной эволюции	16
Политический портрет	В. Голубев. Мобуту Сесе Секо	19
Разговор с читателем		23
Наши интервью	Цэрэнпилийн Балхажаав. Монголия. «Перестройка — и наш ориентир»	24
Страны, люди, время	«Продовольственное оружие» вновь обретает силу	27
	В. Шеров-Игнатъев. Индия. Судьба лесов	28
	Кот-д'Ивуар. Алмазы, наркотики и проститутки	31
Путешествия, встречи, впечатления	Л. Млечин. Япония. Такой же, как все	33
	Ю. Елизаров, С. Жданов. Тунис. О туристических впечатлениях, и не только о них	37
Наше статистическое бюро	Государственные бюджеты стран Африки. Выпуск 11	39
События, цифры, факты		42
Культура, литература, искусство	Ю. Маслов. Шри-Ланка. «Лунный камень»	46
	Питер Дрисколл. Операция «Уилби». Роман. Продолжение	47
Открытия, поиски, находки	Владимир Нейман. Где прародина индоевропейцев?	52
Традиции, обычаи, нравы	Н. Абаев, Н. Жамбалдагбаев. Тибетская медицина: как быть здоровым?	54
Религии, верования, культы	Ромен Роллан. Жизнь Рамакришны. Продолжение	57
Спорт	А. Долин. Индия. «Йога борьбы»	62

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАД

95-2585

Историю, как известно, нельзя переиграть заново. Но ее уроки, говоря словами одного мудрого человека, могут и должны стать «достоянием всех понимающих». И уж во всяком случае умение «вопросить и слушать историю» — качество, обязательное для всех, кто оказывается на развилке тех путей, где когда-то уже находились другие.

Современный этап общественного развития афро-азиатских стран, на котором перед ними раскрывается целый веер вполне реальных, а не только призрачных альтернатив, удивительным образом актуализирует драматическую «ситуацию выбора», имевшую место в начале нынешнего века в России. И, может быть, крайне важно заново выслушать спорившие в тот период стороны, их аргументы, некогда высказанные, но зачастую просто «не расслышанные» в ходе непримиримого политического размежевания, и даже такие, которые были отринуты вполне справедливо, но ныне обретают «вторую жизнь» в контексте реалий «третьего мира».

И, наверное, одним из первых должен быть услышан голос человека, в богатом теоретическом наследии которого извечная и мучительная для русских революционеров тема «Восток — Запад» занимает одно из центральных мест, — Георгий Валентинович Плеханов.

«ПРЕИМУЩЕСТВА ОТСТАЛОСТИ?»

Преодолев в самом себе народнический взгляд на историческую судьбу России, Г. В. Плеханов на всю жизнь сохранил пристрастное отношение к проблеме возможности «отклонить от уст Востока чашу капитализма». Его позиция на этот счет была ортодоксально-марксистской, твердой и последовательной: социализм есть высший результат поступательного развития человеческой цивилизации и может вырасти только из капитализма. Народнические же рассуждения, писал он, «приводят к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум»¹. В таком случае «друзьям народа» ничего не остается, как только «упрашивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути»².

«Вот уж поистине невероятная старуха эта история! — иронически восклицает Плеханов. — Водила она, водила «Запад» по всевозможным мытарствам своих «путей» — и все-таки до сих пор еще не развязала его с капиталистиче-

ТРИ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

А. КАРА-МУРЗА

Кандидат исторических наук

Развернувшаяся в последние два года на страницах нашего журнала дискуссия о путях развития афро-азиатских стран выявила большое разнообразие точек зрения принявших в ней участие ученых-востоковедов. Участники обсуждения, однако, едины в том, что проблемы современного «третьего мира» могут быть глубоко поняты и объективно проанализированы, лишь будучи взятыми не изолированно, а в самом широком социоисторическом контексте при опоре на теоретические достижения классического марксистского наследия, на непредвзятое изучение работы творческих лабораторий видных революционеров и марксистов прошлого.

В истории отечественной марксистской мысли исследование темы «Социализм и Восток» имеет богатую, более чем вековую традицию. Ниже мы публикуем статью с изложением взглядов на данную проблему выдающегося русского мыслителя Г. В. Плеханова. При всей дискуссионности и неоднозначности излагаемых в ней мыслей, полагаем, что они позволят во многом по-новому взглянуть на ряд вопросов, весьма актуальных для современного афро-азиатского мира.

ским производством; нас же она оставляла в покое, не двигала с места в течение целых столетий, а теперь сразу хочет перевести в высший класс своей школы. За какие же это добродетели? Не за то ли, что мы все это время смиренно сидели и не приставали к ней с теми нескромными вопросами, на которые такой большой мастер «свободозычный» Запад»³.

Между тем исходный тезис народников о том, будто развитие капитализма не приближает, а отдаляет социалистическую перспективу (он и сегодня популярен как среди теоретиков, так и практиков «некапиталистического развития») приводил наиболее радикальных из них к неизбежному выводу: «прорыв к социализму» возможен «теперь или никогда», ибо, как выразился однажды Плеханов, «река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба»⁴.

Слабость национального капитализма, по мысли отечественных бланкистов (П. Н. Ткачева, Л. А. Тихомирова, бывших несомненно идейными предтечами многих современных афро-азиатских радикалов), давала поистине уникальный шанс для революционного овладения государством, пока это государство не «подпиралось» еще сильной буржуазией, а, как они считали, «висело в воздухе». А из этого, в свою очередь, следовал их вывод о том, что при отсутствии в России классовых посредников между народом и государством «разочарование народа в самодержавии царей» должно непременно привести к установлению «самодержавия народа».

Если следовать народнической логике, рассуждает в этой связи Г. В. Плеханов, то, «чем более удаляемся мы на Восток, тем более приближаемся мы к торжеству народоправления». История, однако, показывает, что народ разочаровывается в самодержавии царей лишь там, где «экономические отношения утрачивают свой первобытный

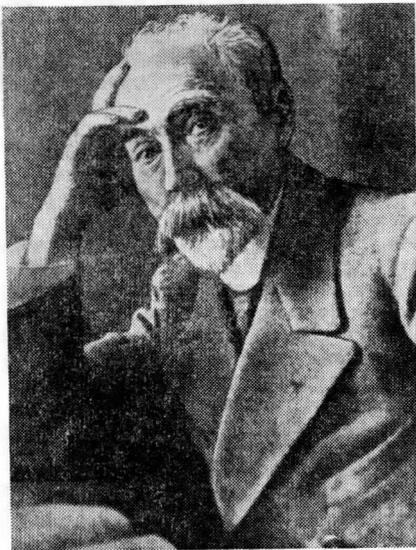
¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1, с. 63.

² Там же.

³ Там же, с. 291—292.

⁴ Там же, с. 62.

характер и становятся более или менее буржуазными», а пока «подданные персидского шаха, египетского хедива и китайского императора имеют такие же нелепые предрассудки относительно своей верховной власти, как и русские крестьяне»⁵. Что же касается утверждения, будто положение в самодержавной России «особенно выгодно» для социалистов, то это, несомненно, верно, если сравнивать Россию с Индией, Персией или Египтом. Но поскольку народники (как это ясно следует из их рассуждений) пришли к своему убеждению, «противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским», то они тем самым впали «в очень крупную ошибку»⁶.

● Г. В. Плеханов

Действительно, один из главных аргументов и русских народников-радикалов, и нынешних бланкистов в странах Востока в пользу немедленного захвата власти состоит в том, что конечному успеху «народной революции» на Западе препятствовала сплоченная буржуазная контрреволюция (приводится обычно пример Франции). В то же время слабая буржуазия незападных обществ явно не в силах помешать «торжеству самодержавного народа», не может реставрировать старые порядки. Как писал Плеханов, русские бланкисты вообще полагали, что подобная «реставрация» возможна только «на Западе» и совершенно немыслима на их «излюбленном Востоке», в странах, «спасенных заботливой историей от язвы капитализма»⁷.

Народническим идеям Плеханов

противопоставляет обратный тезис, полнотой сохранивший свою актуальность для современных афро-азиатских обществ: именно в «крестьянских странах», где сильна «мужичья» вера в царя и которые «отличались до сих пор лишь дворцовыми революциями или такими народными движениями, в которых было очень мало сознательных политических действий»⁸, контрреволюционная реставрация после так называемой «народной революции» не просто возможна, но и практически неизбежна. Речь у Плеханова шла, таким образом, не о буржуазной (и даже не о феодальной) контрреволюции, а о регенерации «варварской азиатчины», «царства ограниченности» с неограниченным деспотом во главе.

«РЕВОЛЮЦИЯ» ИЛИ «РЕСТАВРАЦИЯ?»

Г. В. Плеханов, как видим, не подвергает ни малейшему сомнению формальную правильность народнического тезиса о том, что народоправление возможно только тогда, когда масса достаточно разочаруется в самодержавии царей (если под этим иметь в виду, конечно, разочарование не в данном, конкретном самодержавии, а в самом принципе единоличной деспотической власти). Но ведь именно отсюда, замечает Плеханов, следует убийственный для философии бланкизма вывод: «Если ко времени революционного взрыва упомянутое разочарование не будет достаточно сильно, то не будет и народоправления и совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т. е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке»⁹.

Будучи сторонником марксовской концепции «азиатского способа производства», Г. В. Плеханов полагал, что история России «более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий», ибо здесь (в отличие от Западной Европы) земля вместе с земледельцами «была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм»¹⁰.

Именно с этих позиций Плеханов столь резко и последовательно критиковал исходящие от групп самой разной политической ориентации проекты решения аграрного вопроса на основе национализации земли, полагая, что в конкретных российских условиях огосударствление земельной собственности в ходе буржуазной революции чревато реставрацией «нашего старого полуазиатского порядка»¹¹. Еще в самом начале века он неоднократно писал о том, что все противники «русской азиатчи-

ны» должны крайне осторожно относиться к идее национализации (в сколь бы революционных целях она ни провозглашалась), ибо ее реализация может обернуться утерей тех хрупких цивилизационных приобретений, которые Россия сделала в XVIII—XIX веках на пути европеизации, обернуться «колоссальным выигрышем для бюрократии и столь же колоссальным проигрышем для всех друзей политической свободы»¹². (Расхождения по этому вопросу Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, который полагал, что «смутную боязнь «азиатской» реставрации на почве крестьянского движения против частной собственности на землю пора сдать в архив»¹³, имеют долгую историю. Плеханов вспоминал, как еще в 1895 году Ленин «старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Я ответил, что сходства в этом случае не больше, чем между «русским Вольтером» — Сумароковым и настоящим французским Вольтером, но мои доводы едва ли убедили моего собеседника».)

Ссылаясь на примеры из древней и средневековой азиатской истории, Плеханов писал, что там неоднократно имели место «общественные перевороты», когда «земля отбиралась у «приближенных» и возвращалась Левиафану — государству», но через некоторое время после этого «начиналась старая история, плодившая новых «приближенных», вызывавшая новые перевороты, возрождавшая старую китайщину». И именно потому, что мы не хотим возрождения у нас этой «китайщины», делал вывод Плеханов, «мы поддерживаем крестьянское движение только в той мере, в какой оно разрушает старое, а не в той мере, в какой оно стремится восстановить нечто такое, в сравнении с чем само это старое кажется новым и прогрессивным явлением»¹⁴.

Проблема гарантированного сохранения в ходе революции культурно-цивилизационного, «гражданского» потенциала, который веками накапливался в обществе, является одной из главных в философско-исторических размышлениях Плеханова. В том варианте «социальной революции», который предлагали российские народники-радикалы, его особенно тревожит перспектива интеллектуального, духовного регресса общества.

Откуда они взяли, спрашивает Плеханов (и этот вопрос можно адресовать многим сегодняшним экстремистам), что после крестьянской революции у нас будет «беспрепятственно нарождаться» не только социалистическая, но и вообще какая-либо «интеллигенция»?¹⁵ Ведь в настоящее время рос-

⁵ Там же, с. 302—303.

⁶ Там же, с. 102.

⁷ Там же, с. 304.

⁸ Там же, с. 322.

⁹ Там же, с. 323.

¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, с. 68—69.

¹¹ Там же, с. 74.

¹² Там же, т. XII, с. 235—236.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 311.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. 12, с. 36.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, с. 331.

сийская интеллигенция (в том числе и социалистическая) происходит главным образом из чиновничьей, помещичьей, купеческой, поповской среды и, следовательно, «есть не более как одна из веток, выросших на общем стволе чиновничьего и «классового» государства». Выразитель же радикально-народнических взглядов, стремящийся путем «народного переворота» воссоздать «царство крестьянских общин», «хочет подрубить этот ствол и в то же время надеется, что дорогая ему ветка не только не засохнет, но и будет нарождаться «беспрепятственно»¹⁶.

Впрочем, продолжает Плеханов, вполне вероятно, что после «крестьянской революции» в той или иной степени сохраняются «и буржуазия, и дворянство; положим, что и та, и другое будут «обессилены» ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы, не вредя народу экономически, они имели возможность посылать своих детей в высшие школы». Но почему тогда эти школы должны стать «рассадниками социалистической интеллигенции?»¹⁷.

Еще в 1884 году, критикуя «заговорщическую» программу бланкизма, заявлявшую о «самобытности», а на деле пренебрегавшую экономическим культурной преемственности, Плеханов предполагал, что «мало-помалу эта избитая программа превратится в прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли эту силу, обуславливали ее влияние»¹⁸.

Оставаясь в теории стойким приверженцем идеи пролетарской революции, Плеханов на практике стремился всячески оттянуть момент решительной схватки, свести до гарантированного минимума ее неизбежные деструктивные последствия. «...Не надо зажигать костер заговорщического восстания; надо продолжать поджаривать матушку-бюрократию на медленном огне массовой революционной агитации»¹⁹ — эти слова, написанные Плехановым в годы первой русской революции, по существу, остались его политическим кредо до конца жизни. Более всего Плеханов опасался затяжной гражданской войны, ведущей к самоуничтожению «гражданского общества», единственно способного противостоять «государственной китайщине». Такая война, по его мнению, приводит лишь к взаимоистреблению борющихся классов и тем самым — к реставрации «варварски стройной» архаичной структуры, неизбежно порождающей новый деспотизм. Он часто вспоминал ирландскую легенду о двух кошках, которые «дрались так упорно и

так жестоко, что от них остались одни хвосты».

«КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФАЗА»: МИНОВАНИЕ ИЛИ СОКРАЩЕНИЕ?

Плеханов однажды остроумно заметил, что все рассуждения русских народников, как, кстати, и многих нынешних популистов, построены, «так сказать, по методу исключения буржуазии», где «буржуазия» играет роль «любимого ключика», своего рода «талисмана»: «ссылка на ее слабость или совершенное отсутствие решает все самые трудные вопросы прошедшего, настоящего и будущего времени»²⁰. Впрочем, делает он важное признание, марксисты далеки от мысли «унижать значение этого талисмана»: «мы не только знаем цену ему, но и сами хотим попробовать применить его к делу»²¹. Каким же образом хотел «применить к делу» Плеханов «любимый ключик» народников?

Понимая своеобразие российского капитализма (в том числе и особенности становления отечественной буржуазии), Плеханов, в противовес теориям полного минования капиталистического строя, выдвинул идею о возможности сокращения прохождения Россией этой фазы. Народническая интеллигенция, по его словам, «апеллирует к вероятности полного устранения одной из фаз общественно-го развития — в значительной степени потому, что не понимает возможности сокращения продолжительности этой фазы. Ей и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть лишь частный случай его сокращения и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени подтверждаем вероятность второго».

Обосновывая свою позицию, Плеханов обращал внимание на общую закономерность «развертывания» капитализма «вширь» в различных регионах и странах. «Его непрерывное движение от «Запада» к Востоку, — писал он, — совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западноевропейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений»²².

Что же касается наиболее архаичных обществ, еще не вступивших (в отличие от России) на путь буржуазного развития, то, как не раз подчер-

кивал Плеханов, он не имеет «ни малейшего намерения разогревать старый спор о том, должны ли все народы пройти через капитализм». Теоретическая возможность некапиталистического развития была для него аксиомой, если не тривиальностью: «Если австралийские племена доживут в своей дикости до того времени, когда восторжествует социализм в цивилизованном мире, то они непременно минуют «фазу капитализма»²³.

Но Плеханова интересует не абстрактно-теоретическая, а революционно-практическая сторона проблемы. Он не довольствуется общим предположением (высказанным в свое время Энгельсом в одном из писем Каутскому), что, «раз только реорганизован Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивилезованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности»²⁴. Плеханов идет дальше и ставит вопрос, при каких именно условиях «подтягивание» отсталых стран к обществам победившего социализма могло бы быть эффективным. С этих позиций он и подвергает резкой критике точку зрения тех теоретиков, которые полагали, что наступление социалистического переворота в Европе «почти навязет» России (уже совершившей к тому времени «народную революцию») введение социалистической организации.

«Западноевропейская революция будет могущественна, но не всеисильна», — замечает Плеханов, и международные отношения в этом смысле — «могучий, но опять-таки не всеисильный проводник». Известно, продолжает он, что Европа ведет деятельный торговый обмен со странами Востока, но это вовсе не означает, что «рабочая революция» на Западе в скором времени «навязет» этим странам социализм, ибо «социальная конструкция Востока» очень затрудняет «решительное влияние на него европейских идей и учреждений»²⁵.

Плеханов предлагает проводить четкое различие «между активной силой обстоятельств», «толкающих народы к социализму, и отрицательными условиями, только облегчающими переход к нему». Очевидно, что если объективная логика внутренних отношений

(ОКОНЧАНИЕ СМ. НА С. 36)

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 332.

¹⁸ Там же, с. 127.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, с. 110.

²⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, с. 301.

²¹ Там же, с. 302.

²² Там же, с. 352, 353.

²³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, с. 23.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 298.

²⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, с. 332, 333.

японских лабораторий заняты не фундаментальными исследованиями, а прикладными, работают не на будущее, а на рынок. Они получают больше, чем в государственных университетах, поэтому талантливые молодые люди концентрируются в основном в промышленности.

Если в других странах кто-то обеспокоен неспособностью превращать блестящие идеи в конкурентоспособные товары, то Япония боится остаться без идей, которые будут нужны завтра.

Японии принадлежит мизерное количество Нобелевских премий. Среди тысячи наиболее часто упоминаемых ученых — всего 19 японцев (из них половина работают в США), из 15 фундаментальных открытий последнего времени Японии принадлежат два.

На что жалуются академическое общество Японии? На отсутствие споров в научной среде. «На Западе склонны к дискуссиям, отстаиванию своей точки зрения, утверждают японцы, — а мы, воспитанные на традициях буддизма, проповедующего, что все в мире взаимосвязано, принимаем мир таким, какой он есть, и не оттачиваем свои идеи в споре...»

Историки считают, что во многом сказывается отсутствие научных традиций. Масштабные исследования начались всего сто лет назад. После войны усилия общества были нацелены на восстановление страны; накормить и одеть людей было важнее, чем заниматься фундаментальными изысканиями.

Крупные японские ученые во всем винят систему образования. «Прцветавшая в школах зубрежка, возможно, сослужит добрую службу врачам и инженерам, но ученым она только помешает», — считает профессор Эбаси. В компетентных чиновниках и усердных исполнителях Япония действительно не знает недостатка, а в творческих личностях испытывает дефицит. И дело вовсе не в том, что японцы как нация менее одарены...

ОТЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ И...

Что думают японские школьники относительно выбора пути в жизни? На этот вопрос попытался ответить профессор Фукая из педагогического института в городе Нара.

Японские школьники уверены в том, что путь к интересной и нужной обществу работе лежит через отличные оценки в школе. Только хорошая работа может гарантировать карьеру и приличествующее положение в обществе. Чем озабочены ученики средней школы? 32 процента опрошенных — состоянием своей успеваемости, столько же — подготовкой к поступлению в высшие учебные заведения.

Профессор Фукая считает, что хорошая успеваемость — результат осознанной необходимости добиться отлич-

ных результатов в школе ради дальнейшей жизни. Однако такое напряжение не каждому под силу. Поскольку школьники полагают, что успехи у классной доски сулят блестящее будущее, то выбыть из соревнования — значит, потерпеть крупное поражение. Получая неудовлетворительные оценки, школьник, полагает Фукая, теряет всякую надежду. Из числа потерявших надежду преуспеть в жизни и формируются группы хулиганов, чье появление неприятно поразило японское общество.

По статистике, двое из пяти выпускников повышенной средней школы (10—12 классы) поступают в университеты. Что руководит ими в выборе вуза? Тяга к будущей профессии? Осознание своего призвания?

Предположим, юноша подал документы на медицинский факультет, но провалился на экзаменах. Что он делает дальше? Пытается поступить на медицинский же факультет, но в другом университете? Нет, он переносит документы на фармацевтический факультет. Если и там попытка оказывается неудачной, пробует силы на экономическом. Почему именно в такой последовательности? Потому что в университетской иерархии фармацевтический факультет на порядок ниже медицинского, экономический — фармацевтического. Если провалился на юридическом, несешь документы на филологический. Разница в специальностях значения не имеет. Главное — поступить.

Так что профессиональный выбор часто зависит не от склонностей и способностей, а от того, на каком факультете удастся сдать экзамены.

Те, кто не выдержал вступительные экзамены, продолжают подготовку на частных курсах или в так называемых подготовительных школах. Бывает, ребята ходят в эти школы четыре-пять лет.

Решающее значение имеет не выбор сферы деятельности, а возможность попасть в крупную фирму. Выгоднее всего сразу же после университета поступить в солидное учреждение, которое не обанкротится. Мелкие и средние предприятия часто становятся жертвами различного рода экономических передряг, и тут уж не до повышения зарплаты, уцелеть бы!..

Старший сын Итиро Баба держал вступительные экзамены в медицинский институт, не поступил. Опять на весь год засел за учебники, четыре вечера в неделю проводил в дзюку — на курсах для абитуриентов... Новая попытка — и неудача.

Когда я вновь приехал в Японию, старший сын Итиро готовился к четвертой попытке. Судьба его младшего брата сложилась более счастливо: он поступил в провинциальный университет. Теперь Итиро подыскивает ему работу — кое-кто из клиентов фирмы взялся ему помочь, но без особой охоты: диплом этого университета мало что значит...

ТРИ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА С. 16)

«крестьянских государств» не «навязывает» им более высокой общественной организации, то навязывание ее «с чисто внешней стороны» не может увенчаться успехом. «Смысл басни сей таков, — подытоживает Плеханов, — что Запад — Западом, а Россия — Россией, или, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным». Что же касается «друзей народа», то их «крестьянско-мещанская революция... не только не создает таких условий, но уничтожит даже и те из них, которые существуют уже в настоящее время»²⁶.

²⁶ Там же, с. 333.

Уже из этого достаточно краткого обзора становится ясно, что философско-исторический анализ Г. В. Плеханова не только глубоко проникает в детерминанты российской истории, но и выходит далеко за ее контекст. Он равно применим к феноменам современного афро-азиатского мира, вызывающим горячие споры востоковедов: и к «исламской революции» в Иране, и к разнообразным вариантам «африканского социализма», и к геноциду в полпотовской Кампучии, и к трагедии Афганистана... Читатель, наверное, поймет, почему мы не ставим здесь вопрос о том, насколько удалась Г. В. Плеханов своей полной противоречий жизнью разрешить вечную проблему революционера, им же, впрочем, самим и сформулированную: как же все-таки сумеет «миновать» Сциллу сектантства, страдающего политическими галлюцинациями, и Харибду оппортунизма, отличающегося неизлечимой близорукостью? Уж слишком часто и долго полемически заостренная, но неизменно честная плехановская мысль тонула в потоке графоманского комментаторства, неумного, а подчас и спекулятивного интерпретирования.